

Т.С. Мамсик
(Новосибирск)

К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ДЕКАБРИСТОВ: И.И. ПУЩИН И ДРУГИЕ...

*“Будет время когда-нибудь,
что несколько прояснится
это дело для многих,
которые его видят теперь,
может быть, с другой точки”.*
И.И. Пущин. Из письма сестрам
13 декабря 1827 г.

Среди отбывавших наказание в Сибири декабристов привлекает внимание прежде всего как чрезвычайно “идеальная” во всех отношениях фигура Ивана Ивановича Пущина. В общем хоре похвальных голосов по его поводу давно затерялось трезвое замечание Н.Гастфрейнда – историка лица – о том, что И. Пущин – “личность не по заслугам раздутая”, не по праву несущая на себе “нимб декабристской святости” (здесь и далее выделено нами – Т.М.). Действительно, романтический имидж у этого героя Декабря отменный. “Иван Великий”, “Большой Жанно” – не просто лицейский товарищ, а “друг бесценный” великого поэта. И даже скептик Н.Гастфрейнд готов признать за ним “единственное”, но “важное дело”: “он не увлек за собою Пушкина и написал о нем свои воспоминания”¹.

Пущин – не только друг поэта. Он также друг всех без исключения ссыльно-каторжных декабристов, глава их товарищеских коопераций – Большой и Малой артелей. В этих организациях по названиям и по сути – эхо Священной артели – юношеского, преддекабристского союза. Сибирские кооперации созданы были по инициативе Пущина на благотворительные взносы материально обеспеченных изгнанников. Используя их, он подавал руку помощи каждому из декабристов, кто нуждался в ней на протяжении всего периода пребывания в Сибири. Всеобщая любовь и признательность к Ивану Ивановичу выражалась в пословице: “Маремьяна-старица обо всех печалится”. Не было более другого человека в среде “государственных преступников”, который бы в столь же впечатляющих масштабах поддерживал перепиской выходивших на поселение в разные годы собратьев по судьбе². “Маремьянствовал” Пущин и после амнистии.

Каким-то непостижимым образом ему удавалось при отсутствии для ссыльных права длительных отлучек далее 30 верст навещать товарищей, живших в других городах, и даже осуществлять поездки из одного конца Сибири в другой. Все это сходило ему с рук так же, как в свое время и знаменитая поездка в деревню к опальному Пушкину. Последнее удивительно тем более, что другой друг поэта – А.А. Дельвиг – за посещение в апреле 1825 г. с. Михайловского поплатился отставкой от должности, несмотря на заступничество В.А. Жуковского³.

Знакомство с биографиями ссыльных декабристов неизменно выводит на личность И.Пущина. К месту его обитания – в Ялуторовск, маленький городок в

Западной Сибири, стоявший вблизи тракта⁴, – сходились нити невидимых связей, объединявших прямых и косвенных участников декабрьской трагедии.

Широкие связи Пущина менее всего опирались на идейно-политическую почву. Последний никогда не претендовал на роль идеолога движения и вождя восстания. Но из его рук многие будущие члены общества получали программные документы. Он же выступал и надежным их хранителем⁵. В преддверии Декабря именно Пущин был, пожалуй, наиболее активным вербовщиком в члены тайного общества. Он приложил максимум инициативы для привлечения московской группы заговорщиков к “происшествию”, вместе с другими членами петербургского штаба разрабатывал план восстания и покинул Адмиралтейскую площадь одним из последних. Тем не менее выяснить в деталях политическую платформу Пущина фактически невозможно. Случайно ли?

Интенсивная благотворительная деятельность последнего выглядит на первый взгляд как стремление облегчить участь товарищей или загладить свою “вину” перед ними. Но так ли это было в действительности? Не служило ли “маремьянство” ширмой для реализации совсем других задач? При внимательном анализе облика безупречного, казалось бы, героя Декабря обнаруживаются загадочные, если не “темные”, то по меньшей мере “серые” пятна. Они и дали основания к постановке такого кощунственного вопроса. При поиске же ответа на него с логической необходимостью обрушиваются концепции многих связанных с Декабрем событий. Не будем, однако, пока заглядывать столь далеко: данный очерк не претендует на глобальное обобщение фактов, а значит, и не может служить основанием какой-либо концепции. Излагаемые в нем точки зрения – всего лишь рабочие гипотезы, попытки, если использовать лексику самого И.Пущина, “прояснить дело” или, иными словами, уточнить позиции некоторых героев декабрьских событий 1825 г.

Преодолев барьер восторженно-романтических историографических оценок, обратимся к фактам “серого” рода и попробуем выстроить их в единый ряд. Часть их в свое время всплыла при выяснении отношения И.Пущина к лицейскому однокашнику – поэту В.К.Кюхельбекеру⁶. В отличие от большинства сибирских изгнанников, этот штатский, не отличавшийся здоровьем человек десять лет провел в северных крепостях. Формальный повод к тому имелся. В момент восстания он посягал на жизнь великого князя Михаила и, по собственному признанию, – генерала Воинова. Кроме того, после расстрела повстанцев пытался скрыться от “правосудия”.

Между тем привлекались к следствию, относительно царубийства в разное время И.Якушкин, А.Якубович, П.Муханов и другие офицеры, присягавшие на верность престолу. Постигшая же их кара выглядит не столь суровой. По крайней мере, одиночному заточению никто из них не подвергался. “Тираноборец” Якушкин в частности после выхода на поселение даже создал в Ялуторовске легальную школу при посредничестве Пущина.

Кюхельбекер после освобождения из крепости был отправлен на поселение вначале в Баргузин, затем – в забайкальскую крепость Акшу, буквально на край света с очевидной целью – не допустить его контактов с бывшими соратниками по тайному обществу. Он встретился с некоторыми из них только в 1844 г., когда ему разрешено было переехать с семьей из Акши в Западную Сибирь⁷. Материальные невзгоды усугубили состояние его здоровья, он вскоре потерял зрение и слух и ушел из жизни, оставив жену и двоих детей без средств к существованию. Уже в предчувствии смерти, прося В.А.Жуковского о помощи семье через издание своих

сочинений, он с горечью высказывал мысль, что его литературное наследие сгинет “как звук пустой, как ничтожный отголосок”⁸. Его опасение оказалось провидческим. Прежде всего само это письмо, написанное Пушиным под диктовку слепого товарища, так и не нашло своего адресата.

Почти целое столетие в истории отечественной литературы творчество Кюхельбекера воспринималось “с комической стороны”, а к личности его прочно приклеен был ярлык “безумного чудака”, “Кюхли”. И только совсем недавно стало приоткрываться “огромное идейное и художественное значение его поэзии”⁹. Что касается его политических устремлений и нравственных качеств, то рассмотренные без предвзятости, они позволяют увидеть в этой личности тип бескорыстного героического романтика-революционера¹⁰. В поисках ответа на законный вопрос – о причинах столь явно несправедливой оценки Кюхельбекера как поэта и как человека – совершенно неожиданно обнаружилось, что к созданию его карикатурного образа приложил старание Большой Жанно.

Вот что писал он бывшему директору лицея – Е.А.Энгельгардту о Вильгельме, с которым встретился через 20 лет после событий 1825 г.: “... У него ... все пахнет каким-то неестественным, расстроенным воображением; все неловко, как он сам, а охота туще неволи, и говорит, что наше общество должно гордиться таким поэтом, как он ... Сравнивает даже себя с Байроном и Гёте...”.

Частично опубликованная А.С.Пушкиным поэма Кюхельбекера “Ижорский”, по оценке Пушкина, – “от начала до конца нестерпимая глупость”. Подаренная ему автором комедия “Нашла коса на камень”, – указывается в письме к А.П.Барятинскому, – “пустая книжонка бедного нашего метромана Вильгельма”. И это в то время, как самого Кюхельбекера он лицемерно уверял, что привык видеть его “поэтом не на бумаге, но и в делах ..., в воззрениях на людей ...”¹¹. В письме другому товарищу по лицу – будущему адмиралу Ф.Ф.Матюшкину, написанному тотчас после похорон Кюхельбекера, звучит не сочувствие и горечь за его судьбу, но все тот же злобный сарказм: “Мне кажется, одно наказание ожидало его на том свете – освобождение от демона метромании и убеждение в ничтожности его произведений. Других грехов за этим странным существом не было. Без конца мог бы тебе рассказывать миллион сибирских анекдотов об нем ...”¹².

Таким образом, даже смерть не смягчила приговора, который раз и навсегда вынес Пущин поэтическому творчеству и личности “Кюхеля” (так именовал он его в своих “Записках о Пушкине”). И это при том, что из-за почти 20-летней изоляции Вильгельма соратников, по-настоящему знакомых с поэтом, а тем более с его творчеством, в Сибири не было. Очевидно, что при обширности круга общения Большой Жанно преуспел в своем отнюдь не благородном деле. Связи Пущина не только с товарищами по несчастью, как увидим дальше, по всей видимости, могут объяснить, почему после смерти Пушкина ни одно отчаянное письмо Кюхельбекера с просьбами об издании его трудов не достигало цели. Особенно знаменательно, что не оказалось последней мольбы о помощи ни в архиве друга поэта В.Ф.Одоевского, ни в бумагах “наставника и первого руководителя на поприще поэзии” – Жуковского.

Очевидно, что причины, по которым Большой Жанно так целенаправленно “лепил” образ “Кюхеля”, состояли не только в том, что он, не будучи специалистом в области словесности, оказался неспособен к эстетической оценке творчества своего товарища. Он не мог не знать, что в борьбе за право называться поэтом тот одержал победу еще в период предреволюционной ситуации.

Напомним, что Пущин не оценил и гражданского подвига В.Кюхельбекера:

его знаменитой лекции, впервые познакомившей Париж с неизвестным до того на Западе явлением, – авангардной русской литературой. Ему рукоплескала тогда передовая интеллигенция Европы, а для друзей он превратился из Кюхельбекера – “хлебопекаря”, в “Кюгельбекера” – “пекаря пуль и ядер”¹³. Но Иван Великий в оценке своего лицейского собрата странным образом напоминал литературного агента Греча, как известно, травившего неугодных правительству поэтов и критиков посредством грязных пасквилей и анекдотов.

Лицемерное, несправедливое, лишенное какой бы то ни было снисходительности отношение Пущина к больному товарищу трудно не заметить, но невозможно и объяснить в рамках сложившихся концепций (не только исторических, но и биографических). Очевидно, по этой причине оно и оставалось вне комментариев специалистов по истории Декабря.

Адресатов и слушателей своих любимец ссыльных декабристов развлекал не только анекдотами о Вильгельме, связанными с сибирским периодом его жизни. В комических красках рисовал он также его поведение “*в день происшествия и в день объявления сентенции*”. Анекдотическое, с точки зрения Большого Жанно, событие, о котором он упоминал в письмах, отчасти и проливает свет на причины, по которым “смешное существо” на десять лет было заперто в крепости, в то время как И.Пущин, рука об руку с казненным позже К.Рылеевым собиравший мятежников на площадь 14 декабря, избежал не только казни, но даже крепости (о режиме его годичного пребывания в Шлиссельбурге будет сказано ниже). Он оказался в Сибири и развлекал свою “артель” анекдотами о “дне происшествия”¹⁴.

Впервые зададимся вопросом: для чего правительство поселило декабристов на период каторги “артелью”, позволило им создать систему самофинансирования и сквозь пальцы смотрело на их “каторжную академию”? Не для удобства ли агентов внутренней разведки, нацеленных на разгадку оставшихся невыясненными в ходе следствия “тайн”? Не ставилась ли при этом задача довести борьбу с революционаризмом до логического конца: узнать имена действительных, не попавших в “крысоловку” вождей движения, используя информацию из нелегальной, но ставшей подконтрольной переписки, сочинений, и, в особенности из устных бесед? И заключительный вопрос, не был ли одним из таких агентов человек с несомненными задатками актера – Иван Пущин?

Если сделать такой допуск, то надо ли говорить о том, что жизнь Большого Жанно в кругу союзников не была безоблачной... Вместе с тем, благодаря этому допуску, довольно легко логически реконструировать причину, вследствие которой Кюхельбекер был отделен от “сибирской артели” Пущина. Возможно, он владел какой-то информацией, опасной для деятельности тайного агента. Постоянное опасение – не оставил ли Вильгельм в переписке, в дневнике, в мемуарах каких-либо намеков на истинную роль Большого Жанно в событиях Декабря – не здесь ли причина столь неадекватного отношения к человеку, который, несмотря на свои странности и слабости (а кто же лишен их?), имел право на законное почетное место в последекабрьском братстве и достоин был более бережного к себе отношения. Именно в этой связи актуальной была цель представить лицейского собрата юродивым, а исходившую от него информацию – безумной.

Архив свой Кюхельбекер привез из Акши в Смолино. Перед тем как отправить оставшиеся после его смерти бумаги к месту, предназначенному для хранения, Пущин ревизовал их. Об этом можно сделать заключение из цитированного выше письма к Матюшкину: “*Бедный Вильгельм написал целый ящик стихов, который я отправил в Екатеринбург к его сестре. Он говорил всегда, что в этом*

ящике 50 т. рублей, но, кажется, этот обет не сбывается”.

Не ради ли этого архива и дозволено было семье больного “государственного преступника” перебраться из Акши в Курган, ближе к резиденции тайного агента? Но помимо письменных свидетельств могли остаться и устные. Ясно, что добыть их было возможно, войдя в доверие к жене Кюхельбекера. Пущин не скрывал в письмах к наиболее близким друзьям своего презрительного отношения к Дросиде Ивановне и ее “орущим детям”. “Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака, и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучше. Нрав ее необыкновенно тяжел”, “баба беснуется на просторе ...”, “толстая баба”, “мужиковатая баба”.

В таких выражениях передает он свое впечатление о жене Кюхельбекера в письме к Энгельгардту в марте 1845 г.¹⁵ Поражает не само брезгливое отношение к сибирской простолюдинке, а то, что, несмотря на это, рафинированный дворянин сблизился с ней до интимной связи.

После похорон Кюхельбекера его семью приютил Матвей Муравьев-Апостол. Через некоторое время детей взяла для воспитания и увезла с собой с высочайшего соизволения сестра Вильгельма – Устина – вдова статского советника Глинки. При этом было поставлено условие, чтобы “дети назывались ... Васильевыми”. Дросида Кюхельбекер осталась в Ялуторовске и родила от Пущина сына, которого тот в шутку называл “купчик Иван”¹⁶.

Вдова, конечно, надеялась на брак с товарищем и “другом” мужа. Когда же, не подозревая коварства, она заикнулась об этом, Пущин театрально заявил, что лучше “пустить себе пулю в лоб”¹⁷. Дросида Кюхельбекер стала матерью сына Пущина, но это не изменило его пренебрежительного отношения к ней. Не очевидно ли, что в близком общении с этой женщиной он искал всего лишь источник дополнительных сведений, представляющих интерес и для себя лично, и для III Отделения? Попавшая в столь щепетильную ситуацию женщина к родителям ехать не решилась, и в 1850 г. Пущин отправил ее “с казаком Пежемским” в Иркутск, на попечение М.Волконской.

“Известная Вам Дросида Ивановна ...”, – писал он Н.Д.Фонвизиной, – “... вручила мне, кроме Вани, ... свой капитал за десять процентов в год”. Но, как следовало далее из письма, в 1855 г. вдова потребовала вернуть ей все деньги разом. Денег у Пущина якобы не было, и он не стеснялся просить у своей новой пассии, пока еще невесты (год назад овдовевшей), “ломбардных билетов ... всего на тысячу рублей серебром”¹⁸.

Оставленный Дросидой сын воспитывался некоторое время в семье своего крестного отца, декабриста Николая Васильевича Басаргина и носил фамилию Васильев, ту же, что и дети Кюхельбекера. Подросший мальчик учился в школе И.Д.Якушкина, а после амнистии был отдан в частный московский пансион. В 1858 г. отец определил его в купеческое сословие Новоторжского общества. Е.П.Оболенский – человек высокой нравственности, долгое время живший в Ялуторовске одним домом с Большим Жанно, хорошо знал историю появления его детей, а потому счел возможным напомнить ему “о полном усыновлении” их. Однако получил ответ: “С помощью божиею все уладится”¹⁹. Большой Иван так и не усыновил Малого, предоставив сделать это брату Николаю.

«Когда узнаю, что Басаргин в Нижнем, напишу к нему, что его крестник теперь Пущин, а не Васильев, хоть, может быть, ему это все равно, но я помню, как они много для меня сделали, когда этот купчик явился на свет ...», – демонстрировал Пущин свою порядочность Наталье Дмитриевне (уже состоявшей с ним в

браке) в одном из писем в марте 1858 г. Но, спустя три месяца, будучи в Нижнем Новгороде, он уклонился от встречи с Басаргиным, сославшись на то, что спешит встретиться со своей супругой: “Басаргин мне пишет, что будет в Нижний 20-го числа. Чтобы я их дождался ... Разумеется, я его не жду... необыкновенно тянет меня к тебе”²⁰.

Последний, прибыв в Новгород, отметил в дневнике без комментария: “*В Нижнем думал я застать Пущина, но он выехал за два дня до моего приезда, и мы с ним разъехались дорогой*”²¹.

Отношение Большого Жанно к незаконнорожденным своим детям характеризует его личность с достаточно неприглядной стороны. “Ваня-купчик” был его вторым известным внебрачным ребенком. Еще в 1842 г. он стал отцом дочери Аннушки, матерью которой была некая “якутка”, проживавшая, как ни странно, в Туринске. Девочка “приучена” была называть М.Муравьева-Апостола и его супругу “папашей” и “мамашей”, а действительного отца – “дядей”. Впоследствии она оказалась еще дальше от Пущина: вначале в Иркутском, а затем Нижегородском девичьем институте. В этих учреждениях последовательно директорствовала М.А.Дорохова, считавшая Анну своей приемной дочерью²².

Длительное безбрачие И.Пущин прикрывал лицемерными рассуждениями о тяжком пути революционера, “*чтоб без упрёка идти по нем до конца*”²³. Но между тем он не считал предосудительным для себя заводить внебрачных детей и вручать их судьбы своим ближним. Логика поступков Большого Жанно показывает, что свободу свою он берег для будущего запланированного “полезного” брака.

Возможные истинные цели брачного союза Пущина с вдовой М.И.Фонвизиной обсудим в своем месте, а сейчас вернемся к основному сюжету наших размышлений. Попробуем со здравых позиций рассмотреть поведение В. Кюхельбекера в момент восстания, осмеянное Пущиным в анекдотах. Определенные ориентиры для этого имеются в оценках, оставленных прежде всего А.С.Пушкиным.

Получая известия о событиях в Петербурге, поэт напряженно следил за судьбой друга, попавшего, как он полагал, “в чужой пир”. Сведения в Михайловское приходили от А.Дельвига²⁴.

“*Наши сумасшедший Кюхля, – сообщал барон в начале февраля 1826 г., – нашелся, как ты знаешь по газетам, в Варшаве... Говорят, он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета*”²⁵.

Пушкин отвечал Дельвигу 20 февраля 1826 г.:

“*Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин – а охмелел в чужом пиру. Поведение великого князя Михаила в отношении к нему очень благородно...*”²⁶.

Друзья обсуждали в своей переписке ситуацию, которая всплыла в ходе следствия над повстанцами, но не очень привлекала внимание специалистов, так как снижала яркость романтических образов героев Декабря. К тому же и свидетельства о ней давались весьма неоднозначные. Из допросных показаний Вильгельма следовало, что именно И.Пущин инициировал его “ссадить” с лошади великого князя Михаила, пытавшегося доказать морякам законность присяги Николаю. Кюхельбекер же мало того, что указал следствию на этот факт, но еще и пояснил, что сам он целился в великого князя для одного лишь вида (заведомо зная, что пистолет его “измочен снегом”) с тем, чтобы “не допустить к сему [т.е. к убийству. – Т.М.] других”²⁷. Этот момент имели в виду Дельвиг и Пушкин, подчеркивая, что Вильгельм не принадлежал к числу рылеевцев, а вступил в их общество со своей целью. Заведомо зная, что их диалог попадет в руки перлюстраторов, друзья

Кюхельбекера выступали в роли виртуальных свидетелей, как бы разясняя следствию поведение. При этом первый “спасал” Вильгельма, обосновывая поступок последнего известной якобы всем психической неуравновешенностью, а второй непосредственно подтверждал правоту показаний Вильгельма, акцентировал внимание на рыцарской чести семьи тевтонов-Кюхельбекеров – немецких дворян, состоявших на службе у российской короны. Он напоминал, что нарушение норм вассального долга для тевтона равнозначно было бы самоубийству²⁸, тем более, что Михаил Павлович являлся личным “знакомцем” их семьи.

Пушин категорически отверг “обвинение” Кюхельбекера (в том числе на очных ставках). Он пользовался при этом тем, что Вильгельм не открывал всех обстоятельств, вследствие которых он оказался на площади с оружием. Согласно показаниям П.Каховского, Рылеев “вечеру, после происшествия 14 декабря” высказывал упреки, “зачем не убили его высочество”. Логично предположить, что он, запиской вызвавший к себе к 8 часам утра в день восстания В.Кюхельбекера (в тот момент там были только И.Пушин и В.Штейнгейль), нацелил его на убийство Михаила, а двумя часами позже, надо думать, по его же указанию, А.Одоевский вручил Вильгельму пистолет²⁹.

Все изложенное позволяет думать, что Пушин, действительно, мог словесно не подстрекать Вильгельма к выстрелу на площади, а напомнить ему о договоренности жестом или взглядом. Сути дела это не меняло. Для Кюхельбекера, очевидно, Рылеев и Пушин выступали как бы в едином лице, поставившем перед ним заведомо согласованную цель. Первый был принят в тайное общество в 1823 г. И.Пушиным, а Кюхельбекер накануне восстания – Рылеевым. Пушин сетовал на то, что это было сделано вопреки его возражениям. Трудно в это поверить... Кюхельбекер был “вовлечен” в “общество” с заведомой целью, для которой его и пытались использовать, полагая “существом не от мира сего”.

Если исходить из известного плана, который был составлен в канун восстания, то подстрекательство Вильгельма к убийству Михаила со стороны Пушина как будто не имело под собой никакого смысла. П.Г.Каховский, в отличие от Кюхельбекера, мо “снять” великого князя, но не сделал этого потому, что понимал: “Было уже поздно, и восставшие все равно были окружены”³⁰. Очевидно, что изложенная ситуация может служить основанием для гипотезы о том, что цели, поставленные перед восставшими прапорщиками, и действительные намерения непосредственных “лидеров” восстания не были идентичными. Кто стоял за спинами последних – пока остается загадкой.

Согласно плану восстания, войска выводились на площадь для того, чтобы не допустить сенаторов до присяги Николаю и принудить их принять манифест о Временном правительстве и созыве Учредительного собрания. Однако еще в канун выступления выяснилось, что Я.Ростовцев побывал у Николая, якобы с уговорами отказаться от короны, и тот, конечно, поспешил принять присягу со стороны Сената и Госсовета до появления на площади повстанцев.

Утро этого злополучного дня ознаменовалось новым предательством: брат И.Пушина – Михаил и А.Якубович отказались выполнить взятые на себя обязательства по выводу войск. Узнав о состоявшейся присяге, диктатор – князь С.Трубецкой – не явился к началу выступления. Запасных вариантов действий у заговорщиков не было. Они накануне предлагались Г.С.Батеньковым и В.И.Штейнгейлем, но даже не обсуждались. Представитель же штаба восстания К.Рылеев, полагавший, что выступить следует вне зависимости от обстоятельств, с места событий также исчез.

И.Пуштин (вместе с Е.П.Оболенским), принявший на себя командование войском, покинул площадь последним. Ему в заслугу свидетели ставят “спокойствие и бодрость” до самого конца “происшествия”. Е. Якушкин изложил версию, согласно которой Пуштину предоставлялась возможность побега за границу, от чего он отказался. А.М.Горчаков – лицейский товарищ – привез ему якобы заграничный паспорт и обещал доставить “на иностранный корабль, готовый к отплытию”³¹. Пуштин, сочиняя эту легенду, видимо, пытался противопоставить себя “Кюхелю”, однако он не предусмотрел, что побег на корабле из Петербурга в декабре был невозможен.

Если принять эпизод с ложным выстрелом Кюхельбекера, отвечающим реальности, то следует признать и то, что этот “смешной” в глазах “заговорщиков” герой Декабря оказался в сравнении с ними более состоятельным и в тактическом³², и в стратегическом отношении³³. Не потому ли одно его имя вызывало у Пушкина злобу, которая выливалась в “миллион анекдотов об нем”?

Если бы убийство великого князя состоялось, это удовлетворило бы не только Пушкина лично³⁴. Оно переломило бы ситуацию на площади: метко пущенная пуля убрала бы одного из возможных претендентов на корону после Николая. А ведь общеизвестно, что для его убийства был ангажирован Якубович. Удачный выстрел Кюхельбекера мог вызвать замешательство на площади, которого ожидал Якубович для того, чтобы выполнить возложенную на него миссию. Очевидно также, что в случае состоявшегося убийства члена царской фамилии Кюхельбекер взшел бы на эшафот между убившим генерала Милорадовича Каховским и организатором “бунта”, поэтом Рылеевым.

Еще одним повешенным поэтом мог быть и Пушкин, как известно, оставивший под изображенной им виселицей с пятью казненными декабристами неоконченную фразу: “И я бы мог, как шут ви[сеть]...”³⁵. Исследователи теряются в догадках, что имел он в виду? Между тем есть свидетельство Льва Пушкина, переданное им декабристу Н.И.Лореру, о том, что И.Пуштин накануне восстания вызывал-таки его старшего брата Александра в Петербург³⁶. Но последний на “чужой пир”, как известно, не попал.

Возможно, его остановил Дельвиг? Но свою роль в отказе о “петербургского свидания” могли сыграть и другие обстоятельства. К моменту декабрьских событий Пушкин уже приобрел опыт общения с провокаторами. В период пребывания на Юге он был свидетелем расправы в 1821 – 23 гг. с командиром 16-й дивизии генералом М.Ф.Орловым и его подчиненным майором В.Ф.Раевским. В литературе высказывается мнение, согласно которому Пушкин не знал, что первый являлся руководителем Кишиневской управы Союза благоденствия. Но он коротко был знаком с Орловым – “Рейном” – по обществу “Арзамас” и был в курсе его инициатив по созданию “Ордена русских рыцарей”. Будучи человеком наблюдательным, поэт не мог не осознать, что Орлов и Раевский были выведены из политической игры, к чему приложили старания его ближайшие в тот период “друзья” – генерал П.С.Пуштин³⁷ и, возможно, подполковник И.П.Липранди³⁸. Оба служили в 16-й дивизии у Орлова³⁹.

Павел Липранди – младший брат Ивана Петровича, адъютант корпусного начальника И.В.Сабанеева – провоцировал Пушкина навестить В.Ф.Раевского в Тираспольской крепости. Сабанеев мечтал об аресте поэта. Последний, по выражению генерала, “не без намерения” “прославлял” его “карбонарием” (!) и “выставлял виною всех неустройств” в дивизии Орлова. Приняв вызов провокаторов, сторонники Орлова – “кишиневская шайка”, по выражению Сабанеева, “органом” которой выделялся

ему и “щенок” Пушкин, – вели настолько умную игру, что следствию не удалось выйти на след Кишиневской отрасли тайного общества⁴⁰.

П.С.Пушин пытался вовлечь Пушкина в масонскую “крысоловку”, за что удостоился его эпиграммы, в которой поэт именовал его “почтенным каменщиком”. Эпиграмма пронизана такой тонкой саркастической патетикой (“О, Кишинев! О темный град! Ликуй им просвещенный!”), что до сих пор принимается за дружеский шарж на генерала-либерала. Политическая борьба диктовала поэту необходимость уподобляться шуту, балансирующему на тонком канате.

Будучи “заперт” в Михайловском, Пушкин вновь ощутил над собой “опеку” мнимого “каменщика”. Отставной генерал поселился с поэтом по соседству, в имении Жадрицы, в 3-х верстах от с. Михайловского (и опять все зыбко: встречаются в литературе и “25 верст”, и даже “60”). Тут он “явился главным фабрикатором слухов о ссыльном Пушкине, вызвавших командировку секретного агента А.К.Бошняка”, которому было предписано в случае их подтверждения арестовать поэта⁴¹.

Ключ к подлинному, а не показному мнению Пушкина о декабрьском “происшествии” можно найти в сюжетах его сочинений⁴². Гипотезы, построенные на полученной из них информации, логически увязываются с выводами, следующими из анализа известного пушкинского рисунка. В героях этого рисунка специалисты узнают Кюхельбекера и Рылеева. Владельцем рисунка считается приятель Пушкина – Ф.Ф.Юрьев. Относительно обстоятельств появления пушкинского подарка в его архиве достоверно ничего не известно, хотя под рисунком имеется аннотация: “Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825 г. Рисовал Александр Сергеевич Пушкин”. Согласно предположениям пушкиноведа П.А. Ефремова, рисунок подписан хозяином, в момент разговора с которым “Пушкин и сделал этот набросок, представляя какими, по его мнению, были Кюхельбекер и Рылеев на Адмиралтейской площади”. Датируется рисунок предположительно летом 1827 г., когда Пушкин вернулся в Петербург после ссылки и почти полного года, проведенного в Москве⁴³.

Высказаны догадки, что источником сюжетной версии рисунка для Пушкина могла стать информация либо его брата Льва, с которым А.Пушкин встретился, “по-видимому, в конце зимы 1827 г.”, либо слуги Кюхельбекера – С.Т. Балашева. И тот, и другой не только присутствовали на площади, но и находились рядом с “героями” пушкинского рисунка⁴⁴. И как раз это обстоятельство не позволяет безоговорочно идентифицировать второго из них с Рылеевым. Если исходить из мысли о фотографическом отображении имевшей место ситуации, то вторым фигурантом рисунка Рылеев быть не мог: в момент, когда Кюхельбекер поднимал свой пистолет для показного выстрела, на площади его не было.

За спиной Вильгельма, образ которого узнается без труда, Пушкин изобразил человека в плаще с опущенными длинными рукавами. Лицом он, действительно, напоминает Рылеева, но ростом и дородством скорее – Ивана Великого – Пушина⁴⁵. Взгляд этого человека направлен на дуло пистолета и в то же время как бы несколько косит в сторону⁴⁶. И, оказывается, что это вовсе не фантазия Пушкина.

«При вызове (к выстрелу – Т.М.), сделанном мне на счет его императорского высочества великого князя Михаила Павловича, – писал Кюхельбекер в своих показаниях, – я помню одного только Пушина в лицо (были и другие, но кто – не знаю): помню взгляд его при том (смущенный и несколько косящийся, потупленный), помню точные слова его (*voulez faire descendre Michel*), помню звук его голоса (неверный и запинающийся), помню место, где этот несчастный вызов был мне сделан...»⁴⁷.

Описание столь тонких психологических нюансов Пушкин не мог услышать ни от брата, ни тем более от слуги Вильгельма. Создается впечатление, что он либо читал судебное дело последнего, либо непосредственно, лично от него, слышал о ситуации, запечатленной в рисунке. Разгадку этой тайны оставим на будущее. В настоящем же можно заключить: для Пушкина, как и для Кюхельбекера, агентурная деятельность их общего “друга” не являлась секретом.

Продолжая же рассматривать в свете наших допусков зарисовку Пушкина, можно высказать догадку, что за спиной Кюхельбекера художник поместил двуединую фигуру – “Рылеева-Пущина”. В то же время рисунок поэта – отнюдь не фотографический снимок с конкретных событий. Это политический шарж, заключающий в себе целый ряд символических смыслов. Он гораздо ближе к реальным фактам, чем это предполагалось. Вместе с тем в нем с поразительной точностью и глубиной отражена ситуация трагического краха всего российского романтического революционаризма: двуликий “театральный” герой-злодей, задрапировавший свои мысли и руки, направляет кровавые действия “охмелевших в чужом пиру” молодых людей.

В последний раз судьба свела, как известно, Александра Пушкина и Кюхлю на почтовой станции Залазы 14 октября 1827 г., в момент, когда заключенного везли из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость. Запись об этой встрече поэт включил в свой “Дневник”⁴⁸. Не исключено, что он был предупрежден о дате и маршруте перемещения заключенного тем же Дельвигом. Жандарм, сопровождавший государственных преступников, донес в своем рапорте по начальству о том, что он не допустил контакта Пушкина с Кюхельбекером. Так ли это было на самом деле, оставим на его совести. Известно также, что в период заключения Кюхельбекера в Динабургской крепости он и Пушкин имели тайную переписку⁴⁹. Представляется, что, если не во время встречи в Залазах, то позже у друзей имелась возможность обменяться важной для каждого из них информацией и, главное, пониманием сути декабрьских событий. К месту также напомнить, что с Михаилом Павловичем поэт постоянно поддерживал весьма доверительные отношения. Не исключено, что благодаря великому князю Кюхельбекер имел возможность заниматься в заключении литературной работой, а Пушкин сумел издать некоторые его сочинения (разумеется, анонимно).

Оба они, владевшие, очевидно, информацией, представлявшей опасность не только для карьеры, но и для жизни Пушина, хотя и избежали виселицы, но тем не менее безвременно сошли в могилу⁵⁰. Близкое общение с вдовой Кюхельбекера, видимо, убедило последнего в своей относительной безопасности. Е. Оболенский всегда был под рукой и не без посредничества Жанно также выглядел “чужаком” – “мистиком”, сочетавшим в себе элементы “святости”, странной симпатии к императору Николаю и чувства вины перед убитым Милорадовичем⁵¹. Имиджу “Маремьяны-старицы”, во всяком случае в кругу союзников, как видно, ничего не угрожало.

Правда, больной Вильгельм, по-видимому, почерпнув какие-то новые сведения при общении с Н. Басаргиным⁵², в острой, но достаточно обобщенной художественной форме все-таки высказал свое отношение к институту тайного сыска. Речь идет о двух его стихотворениях. Одно из них условно названо “Вот, слава богу, я опять спокоен ...” и адресовано Н. Басаргину. Поэт благодарит товарища за “искреннее участие” к “больному слепцу”, “обманутому людьми” и “растерзанному страданьем”, но в то же время предлагает ему различать “любовь животворную” и “любовь притворную”, напоминая завет Христа – познавать людей

не по словам, а “по делам” их. Посланию этому предшествовала какая-то “ссора” с Басаргиным, отмеченная поэтом в дневнике. О существовании ее он умолчал. Возможно, речь шла как раз об оценке “дел” их общего “друга”. Не исключено, что определенной долей скепсиса в отношении к И.Пушину в дальнейшем Н.Басаргин обязан был именно Кюхельбекеру.

Другое сочинение Вильгельма, по-видимому, предсмертное имеет весьма символическое название: “Клеветнику”. Предполагается, что оно было адресовано А.Ф.Орлову. Текст его сохранился не полностью, причем трудно судить, какая доля утрачена. Возможно, это был триптих, от которого осталась неполная первая часть и заключение к третьей. Совершенно очевидно, однако, что поэт дал в нем собирательный образ агентуры тайной разведки во главе с “науком” – “атаманом опасных, черных жаб”, для которого цель оправдывает любые средства. “Нет у тебя друзей, – констатирует автор, обращаясь к “Клеветнику”, – лжецы и пустомели твои орудия: ты выгоняешь их, как бешеных собак, на всех врагов твоих!”. В заключении этого послания поэт пророчествует: “Наказан будешь ты сообщников рукою ... они когда-нибудь вольют смертельный яд в твою больную грудь”⁵³. Если эти стихи не остались в архиве М.Фонвизина в Тобольске, а попали в руки Пушкина, то вне зависимости от своего адресата они вызвали, конечно, у него соответствующие эмоции. Оставалось утешаться “своевременной” смертью (своей ли?) автора и надеждами на вознаграждение за “долготерпение”⁵⁴.

В день своих именин, после 20-летнего пребывания в Сибири Пушкин в письме бывшему директору лицея Е.А.Энгельгардту бросает как бы упрек: “Сегодня просто хотелось напомнить вам вашего молодого питомца, который в Зауральском краю уже двадцатый раз именинник. Следовало бы за это долготерпение дать ему пряжку, хоть с правом носить в кармане...”⁵⁵.

Та же попытка – напомнить о себе по начальству в связи с очередной годовщиной через два года – в “конспиративном” (!) письме 1848 г. за подписью экономки-домоправительницы Матрены Мешалкиной другому доверенному лицу, – жандармскому генералу (!) Я.Д.Казимирскому⁵⁶: “Довольно жить в Сибири, сегодня ровно 22 года, что подписан контракт, по которому я согласилась шурфовать доставшийся мне на часть золотой прииск терпения. Благодаря бога, работа идет успешно, хотя больших прибылей нет, но покамест капитал еще не истощается...”⁵⁷.

Обычно такого рода иносказания толкуются в пользу Пушкина как умелого конспиратора, обаянию личности которого были под “другом” государственных преступников. Но не имела ли эта “дружба” оборотной медали, не была ли она прикрытием действительно конспиративных отношений? Слишком уж значительна протяженность ее во времени без всяких последствий, как для самого жандарма, так и для его корреспондента. Доверие между стражем власти и “преступником” полное. Пушкин сообщает Казимирскому о том, что, пользуясь “мнимой болезнью”⁵⁸, он собирается прокатиться по Сибири для того, чтобы посетить все места поселения бывших своих союзников. Из письма от 30 января 1848 г. тому же адресату:

*“В Петербург еще не писал насчет моего предполагаемого путешествия... Может быть, прямо пошлю в III отделение ... надо найти случай предварить родных, чтобы они не испугались мнимоболезненным моим положением...”*⁵⁹.

По мере продвижения дела 15 января 1849 г. он информирует жандармского

генерала о своей “дипломатии”:

“Если Шеф⁶⁰ не пустит на воды по просьбе родных, то пуцу формальную просьбу с лекарскими свидетельствами”, т. к. не хотел бы, чтоб “родные вообразили себе, что я в самом деле нуждаюсь в серном купании”⁶¹.

Кто же были те лекари, у которых Пущин получал мнимые свидетельства о своих болезнях? И почему он не опасался также и за их судьбу? Ведь речь шла не только о профессиональных, но и о государственных преступлениях. И есть ли основания после подобного рода откровений верить и другим письмам Пущина, в которых периодически речь идет о его болезнях? И не странна ли фамильярность обозначения А.Ф.Орлова “шеф” без фамилии, чина, звания...

Путешествие под предлогом лечения на Туркинских водах состоялось. Оно началось в мае 1849 г. в Ялуторовске с остановками во всех городах, где жили декабристы, т. е. в Тобольске, Таре, Красноярске, Иркутске, Селенгинске, и закончилось в Кяхте. Судя по письмам, из Иркутска Пущин посетил также и окрестные “декабристские” поселения: Олонки (В.Ф. Раевский), Хомутово (А.А. Быстрицкий), Оёк (Трубецкие), Тугутуй (А.Л. Кучевский). К январю 1850 г. он был вновь в Ялуторовске, “благодарный богу и людям за отрадную поездку”. Связи Пущина с Казимирским не ограничивались только его корреспонденциями из Тобольска, Красноярска и Ялуторовска. “Скоро буду с вами беседовать”, – писал он ему по прибытии на место жительства 2 января 1850 г.⁶²

Но, видимо, даже за эту “плановую”, внутреннюю инспекцию своей рассыпанной по Сибири “артели” Пущина все еще не представили к генеральскому чину, на что намекает его очередная, двусмысленная “жалоба” Матюшкину. В письме к нему от 25 января 1852 г. после длительного перерыва в общении он кратко, но четко (как будто уже по готовому тексту) излагает этапы своего послелицейского жизненного пути, сопровождая итоговыми оценками: “Судьба меня баловала и балует... Здесь, кажется, любят меня больше, нежели я их люблю ... Благодаря богу, я вышел не разочарованным из этого испытания ... Не знаю, поймешь ли ты ... Не выходит что-то мне пряжка за 25-летнюю сибирскую жизнь. Видно, еще не все справки наведены”⁶³.

Эпистолярное наследие И.И.Пущина позволяет заглянуть нам в тот отрезок его биографии, когда ему пришлось “подписывать” свой сибирский “контракт”. Хронологически оно уводит к периоду между закончившимся уже следствием и прибытием его в Сибирь⁶⁴. Письма, написанные им по пути на каторгу, освещают не только дорожные происшествия, но и некоторые эпизоды жизни в Шлиссельбургской крепости, обнаруживающие неожиданную связь с событиями будущего. Судьба этих писем позволяет продвинуться в обосновании нашей гипотезы. Полагаем, что в период заключения в Шлиссельбурге Пущин из какого-то отдела тайной разведки, существовавшей еще при Александре I⁶⁵, был переведен в состав III Отделения жандармского корпуса, являвшегося одновременно, по свидетельству Бенкендорфа, – “средоточием” “высшей секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна была помогать и способствовать действиям жандармов”⁶⁶.

Имея небольшой штат, III Отделение насчитывало сотни внештатных, – платных и добровольных агентов.

“Изучение вопроса об агентурной сети III Отделения осложняется отсутствием в делопроизводстве необходимых сведений об агентах “надзора” – так официально именовался политический сыск”. “Голубое ведомство” умело хранить свои секреты. Фамилии агентов были известны только тем чиновникам III Отделения и жандармским офицерам, которые непосредственно с ними

имели дело. О наиболее “ценных” сотрудниках знали только шеф жандармов и управляющий III Отделением”⁶⁷.

Очевидно, в связи с формированием сибирской агентуры тайного надзора отправка осужденных декабристов к месту каторги была отложена более чем на год. Вчитавшись в письма с дороги, можно также сделать еще одно предположение: родственники Ивана Пущина не только знали о его сыскной деятельности, но и были в нее включены. Управляющий III Отделением М.Я.Фон-Фок поощрял “семейственную службу” в рядах, как штатных чиновников, так и внештатных агентов своего ведомства⁶⁸.

Поэтому можно говорить о профессиональной агентурной деятельности Большого Жанно в ряду других представителей его рода. Выше уже упоминались фигуры двух родственников И.И. Пущина, имевших отношение и к событиям Декабря, и к тайному сыску: генерала Павла Сергеевича Пущина (1785 – 1865) и родного брата Михаила (1800 – 1869). Все трое выполняли в политическом сценарии, завершившимся актом 14 декабря, роль не только осведомителей, но и провокаторов. Павел – на Юге, а затем – на Псковщине, вблизи Михайловского, а Иван и Михаил – в Петербурге. После восстания последний декоративно был наказан за “знание и недоношение о подготовке к мятежу” ссылкой в солдатскую службу на Кавказ⁶⁹. Но уже в первом письме к родственникам, присланном с дороги, И.Пущин радуется по поводу того, что “Михайло произведен в офицеры”. Эту новость он узнал от сопровождавшего его жандарма⁷⁰. Совершенно очевидно, что брат получил офицерское звание не в армейской службе, а по линии тайной разведки, и в дальнейшем успешно оправдал этот “аванс”, продолжая свое наблюдение за “товарищами по несчастью”. “Труды” Михаила Пущина были вознаграждены при Александре II – чином генерал-майора и назначением на должность коменданта Бобруйской крепости⁷¹.

След П.С.Пущина как агента после неудачи с компрометацией Пушкина теряется. Но примечательно, что в письме от 19 ноября 1858 г. С.П.Трубецкому в Одессу уже после амнистии И. Пущин передавал привет Павлу Сергеевичу на случай, если тот играет с несостоявшимся “диктатором” в шахматы (!!!)⁷². В связи с возвращением из ссылки декабристов агентурный опыт отставного генерала Пущина опять оказался востребован.

“Дорожный дневник” И.Пущина, если избавиться от шор историографического романтизма, показывает, что, помимо названных, еще трое ближайших родственников служат в качестве его помощников с того самого момента, как он “угодил” под следствие. Это – брат Николай (1803 – 1874) – юрист, служивший по ведомству МВД, чиновник 2-го отделения III департамента Сената; и сестры – Анна и Екатерина⁷³. Младший брат Ивана – Петр (1813 – 1856) был в момент следствия еще мал, но в дальнейшем, видимо, также стал агентом тайной полиции: служил “все из чести, без жалованья” – в надежде, что “пошлют в Тобольскую губернию”, чтобы увидеться с братом. Свои разъезды по различным губерниям (Костромской, Вологодской, Минской) “для осмотра тамошнего порядка вещей” Петр совершал, будучи официально командирован от Почтового департамента. Эти сведения И.И.Пущин доверительно сообщает в письме все тому же Я.Д. Казимирскому (15 июня 1846 г.)⁷⁴. В письме же к брату Николаю, как будто вовсе забыв о своем статусе государственного преступника, он пишет: “Николя! Как часто я вспоминаю нашу перетиску в Алексеевском рavelине – с нетерпением жду продолжения. Не знаю, как тебя вообразить теперь: в мундире или во фраке и где? Уверен только, что где бы ты ни был, а будешь то, что от тебя ожидаю...”⁷⁵.

Упоминание о “мундире”, вполне вероятно, указывает на официальную службу Николая в тайной полиции. А даваемые ему далее поручения исходят не столько от брата, сколько от лица, старшего по службе.

Связи с Николаем и Анной их брат Иван установил уже с дороги в Тобольск. Ему удалось “уговорить” недоступного для прочих ссыльных фельдъегеря (фамилию которого он даже не знает) доставить на обратном пути в Петербург, в Царское Село, не просто записочку, но целую “тетрадку” писем своим родственникам⁷⁶. Из этих писем следует, что в период заточения в Шлиссельбурге он пользовался особым покровительством коменданта крепости генерал-майора Г.В.Плуталова – “имел бездну перед другими выгод”⁷⁷. После смерти последнего сменивший его И.П.Фридрих обещал, помимо порционных денег, выданных на дорогу, выслать к иркутскому губернатору для выдачи Пущину еще “с лишком тысячу” (!!!)⁷⁸.

Пользуясь случаем, Иван наставлял брата Николая “со свойственной” тому “осторожностью” передать служащему Иностранной коллегии К.К.Рачинскому записку от своего товарища по несчастью А.В.Поджио и, благодаря этому, познакомиться с человеком, который “очень знаком с Лавинским”. Речь шла о генерал-губернаторе Восточной Сибири – А.С.Лавинском (1822 – 1833). Надо полагать, что соответствующее отделение тайной полиции не только информировалось таким путем об одном из каналов связей декабристов с оставшимися на родине товарищами. Здесь же говорилось и о будущей тайнописи, которой изгнанники предполагали пользоваться в письмах на родину: “... По возможности будем между строками писать лимонным соком ...”. На листе, содержащем ответ на полученное нелегальным путем сообщение, адресату (в данном случае сестре) предлагалось ставить “крестик”. Чуть позже – ремарка о том, что ссыльные поняли: их тайнопись – уже не секрет для сыска⁷⁹.

Поразительно все: и факт оперативно установленной связи с родными, и самый объем письма в виде дорожного дневника-отчета, и уверенность везомого жандармом в неведомую Сибирь “государственного преступника” в том, что отнюдь не безобидное содержание этого “письма” не станет достоянием полиции или жандармов. Его автора не смущало и то, что в случае доноса могли пострадать и сибирские администраторы, “ласково” обходившиеся с изгнанниками, и жандарм, совершавший служебное преступление, и родственники, которых автор вовлекал в незаконные действия. Все это означает, что у пишущего имелась полная уверенность в том, что его “отчет” будет доставлен по назначению. И вряд ли тут шла речь о подкупе. Подобного рода уверенность можно объяснить лишь тем, что сопровождающему было вменено в обязанность передать полученные от Пущина бумаги в нужное место. Случилось непредвиденное: “Фельдъегерь потерял мешок с вещами и письмами на тракте и оплатился годичным арестом”⁸⁰. Но весьма симптоматично, что случай этот, вылившийся в судебное расследование, никак не отразился на судьбе Пущина и его родственников-помощников.

Анна и Николай выполняют массу “поручений” в течение всего периода ссылки Ивана. Николай под предлогом командировки от МВД для инспекции мест пребывания ссыльнопоселенцев бывал в гостях у старшего брата в Ялуторовске. Оба устраивают его дела после возвращения из Сибири. Еще одна сестра – Екатерина (Набокова) – “добивается” у III Отделения разрешения ему на пребывание в столице для “лечения” при запрете для прочих бывших “государственных преступников” оставаться в пределах даже Московской губернии. Николай добывает документы, оставленные “на хранение” (эта тридцатилетняя история с

портфелем Пущина требует специального разбора), служит посредником в восстановлении прежних дружеских связей, собирает (вместе с сыном Якушкина – Евгением) необходимые источники и литературу для задуманных Записок о Пушкине. В то время как сам Большой Жанно озабочен устройством своих брачных дел, Николай берет на себя заботы о его внебрачном ребенке от вдовы Кюхельбекера, усыновив его, дает ему свои отчество и фамилию.

Из жалоб автора “Дорожного дневника” на пребывание в крепости следует, что оно его (несмотря на “бездну перед другими выгод”) достаточно утомило и он полагал себя более свободным, вырвавшись оттуда на Сибирский тракт. Между тем из его описаний видно, что заключенным в крепость в этот период многое позволялось, они виделись с родными, разумеется, переписывались. Прогулки совершали группами... Такой режим предоставил Пущину возможность знакомства с Романом Медоксом (1793 – 1859) – офицером, осужденным за казнокрадство и просидевшим в тюрьме к моменту их встречи уже 14 лет. Привезенные в июле 1826 г. в Шлиссельбург декабристы Юшневский, Пестов, Дивов, Пущин, Н. и М.Бестужевы были даже поселены в одном отделении с ним. Этот “некто Медокс”, вызвавший сочувствие у Пущина, потом, “по слухам”, был перемещен в другую крепость. “Это меня мучило”, – писал Пущин родным. И отчего, казалось бы, такая забота и даже информация о своих тревогах родственникам?! Успокоился он только после проезда через Вятку, где узнал, что его “знакомый”, живет здесь “на свободе”⁸¹.

Уже весной 1827 (?) р. Медокс оказался в Сибири в роли дворянина, сосланного в солдатскую службу, а в 1833 (?) г. направил ложный донос о готовящемся якобы заговоре в среде ссыльных декабристов. Принято считать, что Медокс был агентом III Отделения⁸². Но М.В.Нечкина, опираясь на С.Я.Штрайха, не без оснований полагала Медокса авантюристом, “некоторое время обманывавшим Николая и III Отделение”⁸³. Напомним, что в 1834 г. предполагалась амнистия декабристов. Проект “Медокс” оказался как нельзя кстати для того, чтобы она не состоялась. Это дало новые основания обществу видеть в лице Николая жестокого деспота и тирана. Кому же служил Медокс⁸⁴, а вместе с ним и его хороший знакомый, друг декабристов И.Пущин?

Не тогда ли – в период пребывания в крепости – решено было использовать типаж “медоксов” в качестве шпионов в среде будущих ссыльнопоселенцев. В системе многоуровневой защиты настоящих агентов авантюристы – люди с ущербной психикой – вне сомнения, сыграли отвлекающую роль. Они целенаправленно использовались для компрометации лиц, которые для нового императора стали опорой⁸⁵. В таком разделении функций в среде тайной агентуры нельзя не увидеть отражения борьбы при дворе, где “партия” Николая I не всегда держала свою стратегическую линию с перевесом над внутренней оппозицией, в том числе в системе политического сыска.

Пущин жаловался друзьям, что его сибирская служба не соответствовала по своей длительности “подписанному контракту”, в иносказательном виде как бы намекая на ссылку. Но не лицемерил ли он и тут, постоянно поддерживая анти-николаевские настроения в среде своих товарищей. Четверть века вместо 3 – 5 лет! Именно такой срок ссылки или, в крайнем случае, до совершеннолетия наследника императорской короны (1834 г.) фигурировал как в общественном мнении, так и в ожиданиях ссыльных.

Между тем периодические попытки дискредитации деятельности Николая I (в которых Пущин косвенно как агент участвовал) увеличивали число факторов⁸⁶,

вследствие которых император вынужден был, откладывая полную амнистию “декабристов”, вводить лишь частичные меры, поддерживавшие надежду на реабилитацию⁸⁷. Без учета этих обстоятельств трудно разобраться в событиях Декабря и в постреволюционной ситуации, обычно не вполне заслуженно именуемой “эпохой николаевской реакции”. Методологически неверно видеть в “царизме” монолитную политическую систему, полагая, что получив корону, глава империи полностью развязывал себе руки.

В Сибирь были отправлены, с одной стороны, люди, которые явились всего лишь орудием скрытых режиссеров неудачного дворцового переворота; с другой же стороны, – те, кто тайно, по-рыцарски помог Николаю удержать власть ради сохранения империи. В Сибири судьба “рыцарей” оказалась в руках агентов, продолжавших служить оппозиции, мечтавшей о реванше. К числу их жертв, кроме В. Кюхельбекера, о котором речь шла выше, относился также и М.А.Фонвизин. К моменту амнистии не только бывший генерал, но и весь его род исчезнет с лица земли. О вкладе, который внесли в это дело И.Пуцин и его родственники, следует говорить особо.

---

¹ Цит. по: *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. Москва, 1989. – С. 7.

² Письма корреспондентов И.Пуцина, *переплетенные им погодно*, составили десятки томов. Из них опубликована треть, да и то, к сожалению, с многочисленными купюрами. – (См.: Там же. С. 23).

³ *Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К.* Избранное / – Москва, 1987. – С. 40 – 41.

⁴ Ялutorовск не мог минуть ни один путешественник, едущий как в Сибирь, так и из Сибири. Не странно ли, что именно он был избран для поселения наиболее опасных бывших “заговорщиков”?

⁵ И.Пуцин получил свой портфель с документами декабристов через брата Николая от П.Вяземского в 1857 г. Последнему он был передан в 1841 г. другим братом Пуцина – Михаилом (*Пуцин И.И.* Указ. соч. С. 450). Где хранились бумаги с 1825 по 1841 гг., Пуцины умалчивают.

⁶ *Мамсик Т.С.* Декабрист В.К.Кюхельбекер: типологический портрет героического романтика (По материалам сибирской ссылки) // *Немецкий этнос в Сибири.* – Новосибирск, 1999. – С. 56 – 64.

⁷ Кюхельбекер поселился с семьей в Смолинской слободе, в двух верстах от Кургана, а в 1846 г. выехал в Тобольск на лечение, где и скончался.

⁸ Цит. по: *Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. – С. 286.

⁹ *Базанов В.Г.* Поэты-декабристы. Москва, Ленинград, 1950. – С. 101.

¹⁰ Во всяком случае, именно так он выглядел на первом этапе своей политической биографии (Подробнее см.: *Мамсик Т.С.* Указ. соч.).

¹¹ *Пуцин И.И.* Указ. соч. – С. 190, 214, 225.

¹² Там же. – С. 269.

¹³ Так в шутку переводил немецкую фамилию генерал А.П.Ермолов. На службу в Грузию в качестве чиновника особых поручений при Ермолове Кюхельбекер попал после событий в Париже, благодаря хлопотам друзей. Царь знал о намерении поэта принять участие в борьбе за независимость Греции, поэтому согласился определить его к Ермолову (См.: *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. – М., 1968. – С. 324 – 325).

- ¹⁴ Чем Вильгельм развеселил Пущина в день сентенции, выяснить не удалось.
- ¹⁵ Пущин И.И. Указ. соч. – С. 208.
- ¹⁶ Там же. – С. 229, 312, 369, 374, 519; Дельви́г А.А., Кюхельбекер В.К. Указ. соч. – С. 288.
- ¹⁷ Цит. по: Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность. – Новосибирск, 1989. – С. 113.
- ¹⁸ Пущин И.И. Указ. соч. – С. 311 – 312.
- ¹⁹ Там же. – С. 378.
- ²⁰ Там же. – С. 374, 383.
- ²¹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск, 1988. – С. 281.
- ²² Пущин И.И. Указ. соч. – С. 315, 317, 326, 429.
- ²³ Цит. по: Болоцких В.Н. Указ. соч. – С. 112 – 116. Пущин называл “сибирские сочтения” товарищей “испанскими браками”, т. е. неравными (См.: Пущин И.И. Указ. соч. – С. 376).
- ²⁴ Дельвига, вероятно, информировал А.Д.Боровков – правитель дел Следственной комиссии по делу о 14 декабря. Ему было поручено составить “Записку” о степени виновности причастных к нему лиц (См.: *Декабристы*. Биографический справочник. – М., 1988. – С. 400). Боровков был другом семьи Дельвигов, воспитателем Антона младшего (Дельви́г А.А., Кюхельбекер В.К. Указ. соч. С. 17).
- ²⁵ Дельви́г А.А., Кюхельбекер В.К. Указ. соч. С. 266.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Всеподданнейший доклад Верховного уголовного суда от 30 мая 1826 г. // Восстание декабристов. Документы. – Москва, 1980. Т. 17. – С. 58.
- ²⁸ Мамсик Т.С. Указ. соч. С. – 59.
- ²⁹ Ср.: Королева Н.В., Рак В.Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера. Приложения // *Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи*. Ленинград, 1979. – С. 578 и 583.
- ³⁰ Цит. по: Нечкина М.В. Движение декабристов. – Москва, 1955. – Т. 2. – С. 317.
- ³¹ Пущин И.И. Указ. соч. – С. 19.
- ³² Есть основания предположить, что Кюхельбекер действовал совместно с А. Одоевским, который вооружил его, скорее всего, заведомо неисправным пистолетом: двукратная попытка зарядить его на площади, как известно, не увенчалась успехом.
- ³³ Он благоразумно скрылся от первого этапа следствия и направился в Варшаву, очевидно, для встречи и объяснений с вел. кн. Константином.
- ³⁴ В свое время столкновение с вел. кн. Михаилом послужило для И. Пущина поводом к увольнению из гвардии в 1823 г. (См.: Пущин И.И. Указ. соч. – С. 12). Михаил простил Кюхельбекера, чем заслужил заочную благодарность Пушкина. Естественно, при этом поэта волновал вопрос – “Но что же Иван Пущин?”. Особой роли в судьбе Пущина показание Вильгельма (дважды им подтвержденное) не сыграло. Тем не менее 2.04. 1832 г. он подал заявление коменданту Свеаборгской крепости, в котором отказался от своих показаний в отношении Пущина. Не было ли это “покаяние” следствием контактов Кюхельбекера с Пушкиным, а последнего – с вел. кн. Михаилом? Одинокое заключение Вильгельма закончилось 14.12.1835 г., на 5 лет ранее назначенного срока.
- ³⁵ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. – Москва. 1980. – С. 179.
- ³⁶ Лорер Н.И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984. – С. 204.
- ³⁷ Степень родства Павла Сергеевича и Ивана Ивановича Пущиных в литературе не проясняется, в лучшем случае говорится об “отдаленном родстве”.
- ³⁸ Известно, что формальной причиной ареста В.Ф. Раевского и отставки М.Ф. Орлова послужил донос М.К.Грибовского. (См.: Нечкина М.В. Указ. соч. Т. 1. С. 326, 362). Таким образом, вероятно, была прикрыта агентурная работа И.Липранди и П.Пущина. Система таких “прикрытий” характерна была для деятельности тайной полиции того времени (см. далее).

³⁹ И.П.Липранди – фигура, как справедливо считается в историографии, весьма сложная и загадочная. Тонкий дипломат, агент внешней военной разведки в политической жизни своей эпохи он мог играть роль далеко неоднозначную, в том числе и в отношениях с Пушкиным – (См.: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин и декабристы. Москва, 1979. – С. 11 – 41.) Имеющие же место в литературе попытки “реабилитировать” П.Пушина как сысского агента пока представляются не вполне обоснованными. Если И.Липранди служил империи из идеи, то П.Пушин, как и прочие его сородичи, – “за пряжку” (см. далее). Оба привлекались к следствию по делу декабристов, но без последствий.

⁴⁰ *Иова И.Ф.* Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975. – С. 164; *Эйдельман Н.* Первый декабрист. Москва, 1990. – С. 261 – 267.

⁴¹ *Вересаев В.* Спутники Пушкина. – Т. 1. – Москва, 1993. – С. 298, 305, 310, 312.

⁴² *Мамсик Т.С.* Поэмы “Гавриилиада” и “Граф Нулин” А.С.Пушкина: Тексты-ключи к “происшествию” 1825 г. // Человек – текст – эпоха. Вып. 2: Современные проблемы источниковедения. – Томск, 2006. – С. 172 – 196.

⁴³ *Невелев Г.А.* “Истина сильнее царя ...” . – Москва, 1985. – С. 64.

⁴⁴ *Нечкина М.В.* “О нас в истории страницы напишут...” . Из истории декабристов. – Иркутск, 1982. С. 97; *Невелев Г.А.* Указ. соч. – С. 64 – 66.

⁴⁵ Профильный портрет И.И. Пушина (Акварель Д.Соболевского из группового портрета “Семиугольная звезда”, 1825 г.), воспроизведенный в книге Я.Гордина, позволяет говорить о некотором сходстве профиля Рылеева и Пушина (См.: *Гордин Я.* События и люди 14 декабря: Хроника. – Москва, 1985. Вторая вклейка между 160 и 161 с.).

⁴⁶ В репродукции, помещенной в книге Т.Г.Цявловской, второй герой смотрит как бы из подлобья и видит тот объект, на который нацелен пистолет Кюхельбекера (См.: *Цявловская Т.Г.* Указ. соч. С. 294). В копии рисунка, опубликованного Г.А.Невелевым, взгляд второго фигуранта как бы устремлен в землю (См.: *Невелев Г.А.* Указ. соч., оборот 4-й вклейки между 96 и 97 с.). Очевидно, что оригиналы пушкинских рисунков (не говоря уже о копиях) и подписи под ними, побывавшие в руках “заинтересованных” лиц, не могут служить достоверными источниками для истории декабризма и для реконструкции политических взглядов Пушкина. Они требуют к себе весьма критического отношения.

⁴⁷ Восстание декабристов. Документы – Т. 2. – Москва, Ленинград, 1926. – С. 190 (Показание 16 мая 1826 г., писано Кюхельбекером “собственноручно”).

⁴⁸ *Пушкин А.С.* Дневники. Автобиографическая проза. – Москва, 1989. – С. 34.

⁴⁹ Кюхельбекер писал поэту 10 июля 1828 г. из Динабурга: “Свидания с тобой, Пушкин, никогда не забуду” (См.: *Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. – С. 240). О той же встрече – в письме от 20 октября 1830 г.: “Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? Фризовую шинель? Медвежью шапку? Как ты через семь с половиною лет мог узнать меня в таком костюме?...” (Цит. по: *Невелев Г.А.* Указ. соч. – С. 52, 67). Пушкин в своей словесной зарисовке замечает, что действительно не вдруг распознал в арестанте друга и вначале “принял его за жида-шпиона”, доставляемого в Петербург “для доносов и объявлений”. Много аллюзий вызывает эта ремарка Пушкина, как бы опрокинутая на последекабрьскую ситуацию, уже достаточно забытую к моменту встречи. Но не тут ли и ответ на вопрос адресата. Пушкин узнал Вильгельма, несмотря на изменившийся облик, только потому, что ждал его в Залазах.

⁵⁰ Антон Дельвиг их опередил: умер 14 января 1831 г. (не с чужой ли помощью?) совсем молодым, в возрасте 32 лет. Одно из последних сочинений Кюхельбекера, посвященное друзьям, исполнено символического смысла: “Нет горю доступа к остывшим их сердцам, Не заползет измена в мрак могильный ...” (См.: *Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. – С. 431).

⁵¹ Этот образ в будущем поддерживал Е.И.Якушкин (См.: *Пушин И.И.* Указ. соч. С. 436 – 444).

⁵² Н.Басаргин не был участником восстания и, возможно, “анекдоты” И. Пушина дали ему повод уточнить у Вильгельма некоторые, не вполне очевидные для него “истины”.

⁵³ *Кюхельбекер В.К.* Сочинения. – Ленинград, 1989. – С. 130 – 131.

⁵⁴ Дневник Вильгельма, конечно, проштудированный Большим Жанно, если и содержал компромат, то в весьма оригинальной форме: его автор принял за правило принцип князя П.И.Шаликова: “Сносить терпеливо все неудовольствия и неприятности от человека, ссорившегося со мной”. Это житейское правило покоилось у автора на глубокой религиозно-философской истине: “Какие вины мы должны прощать ближнему?... перед всесовершенным ... все грехи равномерностны: а он их отпускает нам. И мне ли, грешнику... выбирать, что прощу и чего не прощу моему ближнему?” (Кюхельбекер В.К. Путешествие.... – С. 202, 204).

⁵⁵ Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 212.

⁵⁶ Я.Д.Казимирский в 1834 г. был назначен жандармским штаб-офицером в Томскую губернию, затем стал плац-майором тюрьмы Петровского завода, закончил службу в Сибири генералом – начальником Сибирского жандармского округа (См.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: административная политика в первой половине XIX в. – Омск, 1995. – С. 120).

⁵⁷ Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 233.

⁵⁸ Формально И.Пуцин просился для лечения на Туркинские воды близ Иркутска.

⁵⁹ Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 234.

⁶⁰ Имеется в виду А.Ф.Орлов – шеф корпуса жандармов, сменивший Бенкендорфа.

⁶¹ Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 274.

⁶² Там же. – С. 260.

⁶³ Там же. – С. 266 – 270.

⁶⁴ 10 июля 1826 г. И.Пуцин и его товарищи выслушали приговор; 29 июля 1826 г. И. Пуцин был заключен в Шлиссельбургскую крепость; 8 октября 1827 г. – отправлен в Сибирь.

⁶⁵ Вполне допустимо, что она охватывала своим надзором и Царскосельский лицей, а в роли агентов использовались некоторые лицеисты.

⁶⁶ Указ об основании жандармской полиции как отдельного института во главе с шефом жандармов генерал-адъютантом А.Х.Бенкендорфом издан 25 июня 1826 г., а 3 июля того же года Особая канцелярия министра внутренних дел преобразована в Третье отделение собственной е. и. в. канцелярии под началом А.Х.Бенкендорфа. 28 апреля 1827 г. издано “Положение” о корпусе жандармов. (См.: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. (По подлинным делам III Отделения). – СПб., 1909. – С. 14 – 16).

⁶⁷ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826 – 1880 гг.). – М, 1982. – С. 36, 63.

⁶⁸ Там же. – С. 36, 64.

⁶⁹ Басков В.И. Суд коронованного палача. – Москва, 1980. – С. 198.

⁷⁰ Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 87.

⁷¹ Символизм этого назначения знаменателен, учитывая место Бобруйска в истории декабризма.

⁷² Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 393.

⁷³ Известно, что светские дамы оказывали услуги, “полезные правительству и ... III Отделению”. (См.: Лемке М. Указ. соч. С. 28). В числе первых “важных” агентов М.Я. Фон-Фок называл сестер Е.Н. и Н.Н.Пучковых, некую Верещагину и др. (См.: Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 63, 64).

⁷⁴ Пуцин И.И. Указ. соч. – С. 224.

⁷⁵ Там же. – С. 93.

⁷⁶ Там же. – С. 93, 95.

⁷⁷ Там же. – С. 87 – 95, 457 – 459.

⁷⁸ Там же. – С. 89.

⁷⁹ Там же. – С. 88.

⁸⁰ Там же. – С. 457 – 458.

⁸¹ Там же. – С. 90.

⁸² Там же. – С. 458, 550.

⁸³ Нечкина М.В. “О нас в истории страницы напишут...”... – С. 52 – 53.

⁸⁴ В работах, посвященных Медоксу, приводятся самые противоречивые сведения (в особенности даты). Ср., например, приводимые выше данные с фактами, излагаемыми в статье Е.Туманик: *Туманик Е.Н.* Роман Медокс: загадка личности и загадка дневника // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: культура, наука, образование. – Новосибирск, 2005. – № 3. – С. 85 – 107.

⁸⁵ К числу таковых относился А.Н.Муравьев. На подрыв его репутации были направлены и авантюра Медокса, и “бунт” архиепископа Иринея (См.: Там же. – С. 107).

⁸⁶ Распространение холеры, вызвавшее массовые бунты 1830-х гг.; Варшавское восстание (1830); бунт в военных поселениях (1831); ложные доносы Медокса о заговоре декабристов (1832); провокация относительно заговора в среде сосланных в Сибирь польских повстанцев (1833).

⁸⁷ Сокращение сроков крепостного заключения, каторжных работ, а также жизни на поселении – путем перевода на Кавказ в действующую армию, где, заслужив офицерский чин, бывший ссыльный мог выйти в отставку.